

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д55

Художественное оформление *Петра Петрова*

Добров, Андрей Станиславович.
Д55 Последний крик моды. Гиляровский и Ламанова /
Андрей Добров. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
320 с. — (Интересный детектив).

ISBN978-5-699-98431-2

«Король репортеров» Владимир Гиляровский расследует странное самоубийство брата одной из работниц знаменитой «моделистки» начала XX века Надежды Петровны Ламановой. Опытный репортер, случайно попав на место трагедии, сразу понял, что самоубийство инсценировано. А позже выяснилось, что незадолго до смерти красивый юноша познакомился с неким господином, который оказался сутенером проституток мужского пола, и тот заманил юного поэта в общество мужчин, переодетых в черные полумаски и платья от Ламановой... Что произошло на той встрече — неизвестно. Но молодой человек вскоре погиб. А следы преступления привели Гиляровского чуть ли не на самый верх — к особам царской крови. Так какое же отношение ко всему этому имела сама Ламанова?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN978-5-699-98431-2

© Добров А., текст, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

• ВСТУПЛЕНИЕ •

Есть имена в русской истории несправедливо забытые. Например, имя Надежды Петровны Ламановой — одного из первых русских модельеров, конструкторов одежды, ставшей настоящей мировой знаменитостью. Вернее, становившейся. Если бы ее судьбу не переверкала революция, возможно, имя Ламановой стояло бы на одном уровне с такими именами, как Поль Пуарэ, Ив Сен-Лоран и Шанель. Работая над образом моей Ламановой, я старался найти как можно больше информации о ее жизни и, главное, работе Ламановой настоящей. Однако информация эта была скудна — хотя в модном бизнесе есть даже премия имени Ламановой, правда, подавляющее большинство людей о ней ничего не знают. И все же я буду очень рад, если, прочитав эту книгу, вы захотите узнать больше о Надежде Петровне Ламановой — ее судьбе и творчестве. А пока мне остается только предупредить: все персонажи этой книги являются вымышленными и никакого отношения к реально жившим людям не имеют. А теперь отправимся в мир московской высокой моды самого начала XX века вместе с Владимиром Алексеевичем Гиляровским и Надеждой Петровной Ламановой.

ПОСТАВЩИК ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

— **Н**ет уж, Константин Сергеевич, вот Гиляровский пусть меня проводит. Извозчик ни к чему — пойду пешком. Тут не так и далеко — хоть свежим воздухом подышу.

Воздух был не то чтобы свежий, а прямо-таки холодный.

Станиславский весело прищурился и положил руку мне на локоть.

— А? — спросил он. — Все еще богатырь наш Гиляй, не правда ли, Надежда Петровна?

— Хоть куда, — улыбаясь, кивнула Ламанова. — С ним мне совсем не будет страшно.

— Темнеет теперь рано, — сказал я, поплотней натягивая папаху. — Впрочем, тут центр города, безопасно. Доведу, не беспокойтесь. Только раз уж вы меня даже в театр не пускаете, Константин Сергеевич, позвольте спросить — что же вы без Владимира Ивановича репетируете?

— Уехал Владимир Иванович в дальние дали. — Станиславский пожал плечами.

— Отчего?

— Устал. Бросил меня одного. А пьеса-то... Ой-ей-ей!
А сам Чехов — увы и ах!

— Что с ним?

— Собирается в Ниццу. Будет переписывать часть сцен.

— Плох мой Чехонте? — спросил я с тревогой — Антон Павлович в последнее время сильно сдал.

Станиславский только вздохнул.

— А пьеса? — спросил я.

— А пьеса... — Константин Сергеевич замылся. — Честно говоря, даже и не знаю. Иногда кажется даже, что и скучна. Но все-таки — это Чехов! Я утешаю себя только мыслью, что это не он скучен, а я глуп.

Ламанова покрепче прижала к пухлой груди свой ридикюль, в котором лежали десять тысяч, выданные Станиславским.

— Я вообще не понимаю, как это возможно! — с чувством сказала она. — Вы с ума сошли, Константин Сергеевич! Месяц назад — читка. Теперь — начало репетиций. А премьера — в конце января.

— Не успеете с костюмами? — озабоченно спросил Станиславский.

— За меня не беспокойтесь. Все мерки я сняла, хоть это, я вам скажу, та еще работенка — снимать мерки с артистов. Не могут спокойно постоять всего три часика. Некоторые даже грозились в обморок упасть! Но я за вас беспокоюсь. Какой короткий срок! Ведь еще и праздники надо вычесть — Рождество, Новый год. Месяц чистыми остается — не больше.

— Ну уж нет, — помотал головой Константин Сергеевич, блеснув стеклами своего большого пенсне. — Никаких праздников. Какие могут быть праздники, Надежда Петровна? О чем вы?

— Да как она хоть называется-то, эта пьеса? — спросил я.

Станиславский повернулся ко мне:

— Я вам еще не говорил? «Три сестры» называется. Причем Антон Павлович уверяет меня, что это комедия. Хороша комедия! Сначала ничего не происходит, потом адюльтер и дуэль. Я взял роль, где хоть что-то можно сыграть.

— И кто ваш персонаж?

— Подполковник артиллерист, который от скуки влюбляет в себя учительницу гимназии.

— Фу, как скучно вы рассказываете! — возмутилась Ламанова.

— И заметьте! Все это растянуто на пять лет! Какие-то домашние интриги, пензенская скука, буря... нет — рябь в стакане воды. Казалось бы, такая пьеса просто обречена на провал, но я уверен, что зал будет набит битком, а критика просто разорвет нас на куски — одни от восхищения, а другие от ярости.

Я повернулся к Ламановой:

— А вас, значит, пригласили пошить костюмы?

— Да-да-да! — закивала Ламанова. — Только для того, чтобы Константин Сергеевич во всех афишах и программках написал мое имя.

— А разве вам от этого плохо? Вам от этого только

хорошо! — живо воскликнул Станиславский, поднимая бобровый воротник, чтобы защититься от резкого ноябрьского ветра, дувшего вдоль Каретного ряда, где в те дни находился МХТ.

— Вы хотите, чтобы на вашу премьеру пришли мои клиентки — посмотреть, что я там еще сотворила. Не так ли? — спросила Ламанова Станиславского.

— А почему бы и нет? — парировал режиссер. — Придут они не сами, а со своими мужьями — сделаем хорошую кассу на буфете. Не так ли, Владимир Алексеевич? — подмигнул он мне. — Вася Качалов до сих пор вспоминает ту вашу совместную эпопею с Дальским.

Он вновь повернулся к Ламановой:

— Вы слышали эту историю, Надежда Петровна?

— Нет.

— Только не расспрашивайте Гиляровского. Спросите у самого Качалова. Качалов расскажет намного лучше и, как мне кажется, правдивей, чем Владимир Алексеевич.

— Константин Сергеевич! — возмутился я.

— Все-все-все! Идите скорей, — заторопил нас Станиславский, — а то Надежда Петровна совсем продрогла. Да и не стоит на улице долго торчать с этим-то...

Он указал тонким пальцем на ридикюль Ламановой.

Тепло распрощавшись со Станиславским, мы с Надеждой Петровной пошли в сторону Большой Дмитровки, где Ламанова держала свое ателье.

— И на кого будете шить, Надежда Петровна? — спросил я. — Книппер играет?

— Книппер, Савицкая, Лилина — это, кажется, главные героини, — ответила она. — Но все так быстро — давай-давай, время поджидает!

— Вы только женские платья будете шить?

— Нет! Представляете, Константин Сергеевич доверил мне полный гардероб! Буду шить и на Мейерхольда, и на Громова. На всех. И даже второстепенные обшивать буду.

— Зачем вам такая морока? У вас, наверное, и своих заказов хватает.

Ламанова резко остановилась.

— Вы что, Владимир Алексеевич! Да это мечта, а не заказ!

— Хорошо платят? — спросил я, кивнув на ридикюль.

— Не в этом дело!

Она снова пошла вперед.

— А в чем?

— Вы, Владимир Алексеевич, представляете, кто мои клиентки?

— Да почитай вся Москва.

— А что это за «вся Москва»? Нет, я не хочу ничего обидного сказать про этих дам, но ведь с ними положительно не о чем поговорить, кроме как о французских тканях, французских модах и французском крое. Да еще они пытаются вечно втянуть тебя в какое-то болото своей личной жизни. Но хуже всего знаете что?

— Что?

— Они думают, что пришли к портнихе.

Слово «портниха» Ламанова выделила с презрением, выпятив нижнюю губку.

— «Только пообещайте мне, Надежда Петровна, что лично будете шить это платье!» И очень недоумевают, когда я им говорю, что шить лично не буду, потому как совершенно это не умею.

— Вы не умеете шить?

Надежда Петровна весело засмеялась.

— Конечно, умею! И шить, и кроить, и все-все-все. Но не буду! Не буду! Я не портниха, я — моделистка! Никак не могу вдолбить в эти женские головы, что моделистка и портниха — это не одно и то же! Мое дело — творить, придумывать, руководить процессом, а вовсе не сидеть за «Зингером», обметывая петли.

Я кивнул.

Через минуту Ламанова снова остановилась.

— А какие иногда странные клиентки ко мне ходят, Владимир Алексеевич! Хотите расскажу?

— Конечно.

— Иногда и не поймешь — откуда они берутся, кто они такие. Вроде приходит с виду обыкновенная горничная или гувернантка. Но такой гардероб заказывает — прямо как принцесса Габсбургская.

— И платят?

— В том-то и дело! Наши дамы, особенно из дворянок, как привыкли? «Сшей мне сейчас, а расплачусь потом, как мужу деньги придут». И тянут — порой и по полгода. Отказаться нельзя — обидишь такую мадам,

так она потом начнет про тебя всякие гадости рассказывать, клиентов распугивать.

— А эти, которые горничные, они платят?

— Сразу! Вперед! Иначе я бы и не бралась. Вот летом пришла одна. Мы ей сшили прелестное вечернее платье. Я как бы между делом спрашиваю — к балу готовитесь? А она молчит, как в рот воды набрала. Только кивает.

— Странно, — заметил я.

— Больше того! Три дня назад я ее заметила неподалеку — на Страстном бульваре — с детской коляской! Катит коляску, одета как бонна, а рядом — солдатик идет, любезничает. Не офицер, а простой солдатик. Вот откуда у нее были деньги на платье, а? Солдатик дал?

Я пожал плечами.

— Пойдемте дальше, Надежда Петровна, а то мы тут торчим на виду у всех.

Ламанова прибавила шаг.

— Давайте, — предложил я, — мне ваш ридикюль. Он, наверное, теперь тяжеленький?

— Нет, — улынулась Ламанова, — я об него греюсь.

Мы повернули на Петровку и пошли через бульвар, по направлению к Страстному.

— Мне это не нравится, — сказала она наконец. — Все это пахнет скандалом. А ведь не первая такая простушка шьет у меня нечто дорогое.

— Не первая?

— Третья или четвертая.

— Да, странно...

— Я понимаю, когда приезжает какая-нибудь купчиха из Саратова или Нижнего. Тянется к моде, хочет в своем городе быть первой модницей. Это понятно. Ни манер, ни приличного образования — только мужнин капитал, составленный на торговле селедкой или драгвой. Или чем они там торгуют. С ними мучаешься, но они хотя бы понятны. А вот такие... Появляются из ниоткуда и в никуда исчезают! Что это за женщины? Откуда у них деньги? Я ведь беру много, Владимир Алексеевич. Мне мало брать нельзя — надо держать марку!

Минут через десять мы дошли до Дмитровки. Здесь, на углу, под номером 23, стояло четырехэтажное здание доходного дома Адельгейма — зубного врача, прославившегося в литературных кругах тем, что как-то заменил коронку самому Достоевскому, приехавшему в Москву по делам. Кстати, оба его сына стали неплохими актерами. Весь первый этаж здания и был арендован Ламановой под собственный модный дом. В высоких окнах стояло всего два безголовых манекена, одетые один в бальное голубое платье, а второй в прогулочный костюм из шотландки. Над дверями с причудливыми изогнутыми стеклами с латунными ободками была помещена большая вывеска: «Модный дом Н.П. Ламановой». И чуть ниже: «Поставщик Ея Императорского Величества» — с непременно двуглавым орлом.

— Ну вот, — с мягкой улыбкой сказала Надежда Петровна, — большое вам спасибо, Владимир Алексеевич,

что проводили. Не хотите зайти согреться? Я вас чаем напою у себя в кабинете.

Я посмотрел вверх на окна.

— Темно уже, а свет ни в одном окне не горит. Где же жильцы?

— Съехали. Новый домовладелец собирается тут все перестраивать.

— А вы?

— Нас тоже попросили. Приходил от него управляющий — да только я выговорила себе еще полгода сроку.

— А потом куда?

— Никому не скажете?

— Нет, — улыбнулся я.

Ламанова сделала знак рукой, чтобы я нагнулся к ней. Надежда Петровна была маленького роста, пухленькая и очень милая. Нагибаться к таким — сущее удовольствие.

— Я строю собственный дом, — шепнула она мне.

— Где же?

— На Тверском бульваре. Только никому ни слова. Поклянитесь!

— Клянусь. Это не у Никитских ли ворот?

Ламанова укоризненно наморщила носик.

— Ну! Это же секрет!

— Хорош секрет, — заметил я, — когда уже и стройка идет, и архитектором не кто-то, а Лазарев. Вот что творит Елисеев на Тверской — это да, секрет. А ваш...

— Ну и ладно! — засмеялась Ламанова. — Мне нужно еще немного времени, чтобы достроить и переехать.

А тут уж больно место хорошее. Да и известное моим клиенткам.

Мне показалось какое-то шевеление между манекенами. Мелькнуло несколько встревоженных лиц. Потом дверь отворилась и прямо на улицу, под свет фонаря выскочила взволнованная молодая девушка.

— Надежда Петровна! Надежда Петровна! Идите скорее!

— Оля? — удивленно спросила Ламанова. — Ты чего на холод выскочила? Простудиться хочешь?

— Надежда Петровна!

Ламанова стремительно подошла к ней и выслушала то, что девушка тихо прошептала ей на ухо. Потом растерянно повернулась ко мне.

— Это бог знает что! Владимир Алексеевич, не пройдите ли внутрь?

— Что случилось?

— Не хочу говорить на улице.

— Хорошо, пойдёмте.

Мы вошли в дверь. За нами юркнула и девушка.

— Вот, — указала она в угол просторного зала, где в кресле, расстегнув шинель и сняв шапку, сидел полицейский пристав. При виде Ламановой он встал и коротко поклонился.

— Здравствуйте! — ответила та. — Если вы пришли пошить себе мундир, то, увы, мы этим не занимаемся.

— Мадам, — ответил пристав. — Простите, что беспокоил. Я жду одну из ваших работниц. Только и всего.